

А.С. Булатов

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
И ЕЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Аннотация. В статье делается попытка дать общую характеристику современной российской экономической модели, а также основным направлениям ее трансформации в последние десятилетия. Делается вывод о том, что в России сложилась модель государственно-олигархического капитализма, нацеленного во многом на взимание в стране административной, природной и налоговой ренты.

Из-за обширности этой темы в статье рассматриваются преимущественно внешнеэкономические аспекты российской модели капитализма и их трансформация. Современная Россия – это активный, но во многом своеобразный участник идущей в мире экономической глобализации и ее внешнеэкономическая специализация во многом определяется спецификой ее экономической модели.

Стремление к получению ренты от своего политического и экономического доминирования толкает российских бюрократов на поощрение развития в стране не столько перспективных отраслей, сколько наиболее доходных для экспорта – сейчас это прежде всего добывающая промышленность. Для олигархов это также металлургическая и химическая отрасли. На этих отраслях и базируется российский экспорт товаров, высоко монополизированный государством и олигархами. В России самая низкая для стран БРИКС ставка таможенного тарифа по импорту, которая действует неблагоприятно на развитие отечественной обрабатывающей промышленности (готовые изделия – основа российского импорта). Медленный рост этой промышленности (она является главной сферой осуществления инноваций) не стимулирует и поступление в страну знаний из-за рубежа.

Почти во все годы вывоз капитала превосходит ввоз капитала в Россию. При этом подавляющая часть капитала вывозится в офшоры и офшоропроводящие страны и поступает оттуда же, что позволяет говорить о круговороте российского капитала, вывозимого олигархами и чиновниками из страны и затем обратно ввозимого под видом иностранного.

Немало изменений наблюдалось и в миграции, особенно краткосрочной, в Россию. Если в советское время подавляющая часть населения Закавказья и Средней Азии, а также Украины и Молдавии работала у себя на родине, то в этом веке временная трудовая миграция жителей этих регионов в Россию исчисляется многими миллионами человек в год. Экономически необходимый для России, этот огромный приток трудовых мигрантов используется олигархами для поддержания заработной платы в стране на низком уровне.

Ключевые слова: Россия; экономическая модель; внешняя торговля; движение капитала; международная миграция рабочей силы.

Булатов Александр Сергеевич – доктор экономических наук,
профессор, старший научный сотрудник кафедры мировой экономики
МГИМО МИД России, Россия, Москва. E-mail: bulatov.moscow@mail.ru
Web of Science Researcher ID: R-3433-2016;
Scopus Author ID: 7005341291

Bulatov A.S. Today's Russian Economic System and its External Economic Aspects

Abstract. *Attempting to describe the fundamentals of today's Russian economic system as well as its transformation in the last decades, the author argues that in Russia there has arisen a system of state oligarchic capitalism, in many ways aimed at drawing various kinds of rent in the country.*

As the subject is broad, the article predominantly focuses on the transformation of external economic aspects of the Russian economic system. Today's Russia stands out as an active, albeit peculiar, actor in the current global processes, its external economic profile being determined by the specifics of its economic system.

The desire to draw rents from its political and economic domination pushes Russian bureaucracy to promote not perspective industries but those of the most profitable in terms of export – today it is mainly extracting industries. For some of the oligarchs it is also metals and chemistry. These industries are the backbones of the Russian export, highly monopolized by the state and oligarchs. Also, Russia has the lowest import tariff among the BRICS countries, this having an adverse effect on the development of national manufacturing (since manufactured goods make the bulk in Russian imports). Among other things, the slow growth of this industry (a principal field for innovation) discourages the flow of knowledge from abroad.

In almost all recent years, capital outflow has been surpassing capital inflow to Russia. The predominant part of this outflow and inflow is to and from offshores, which makes it possible to interpret it as a turnover of Russian capital, exported from the country and then imported back in the guise of foreign capital.

There have been substantial changes in migration, particularly in the short-term one. In Soviet times, the bulk of population of South Caucasus and Central Asia as well as Ukraine and Moldova had jobs at home, but now many millions of them are on temporary jobs in Russia. Economically essential for Russia, this huge inflow of labor migrants is, at the same time, creating conditions for keeping wages in the country at low levels.

Keywords: *Russia; economic system; foreign trade; capital movement; international labor migration.*

Bulatov Alexander Sergeevich – Doctor of Economics, Professor,
Senior Researcher of World Economy Department, MGIMO-University,
Russia, Moscow. E-mail: bulatov.moscow@mail.ru
Web of Science Researcher ID: R-3433-2016;
Scopus Author ID: 7005341291

Введение

В российской научной литературе для характеристики экономического механизма страны традиционно используется термин «национальная экономическая модель», в то время как в зарубежной литературе обычно используется термин «economic system». Так, один из самых популярных в мире учебных курсов, сравнивающий экономические системы различных стран, называется «Comparative Economic Systems». Однако автор, не видя существенных противоречий между этими двумя терминами, будет опираться в статье как на российскую, так и зарубежную методологии, связанные с этими двумя схожими терминами.

В экономическом анализе используется различная методика исследования национальных экономических моделей. Так, в одном из наиболее обширных зарубежных исследований акцент делается на доминировании социальной и политической сфер над экономикой страны [Cohen 2009, p. 2]. В отечественных исследованиях методика чаще строится на описании основных элементов национальной экономической модели с целью выявления их особенностей и на этой основе – главных особенностей всей национальной экономической модели [Российская экономика 2019].

Используя методику первого подхода (прежде всего в анализе специфики российской экономической модели), автор одновременно будет опираться на методику второго подхода (особенно в анализе внешнеэкономических аспектов российской экономической модели). Подобный подход к анализу национальной экономической модели позволяет подробнее рассматривать ее отдельные элементы, в частности внешнеэкономические аспекты модели.

Современная российская экономическая модель

В своих предыдущих работах автор доказывал, что для выявления особенностей национальной экономической модели необходим прежде всего анализ соотношения форм собственности в стране и степени самостоятельности ее экономических агентов. Этот анализ привел его к выводу, что для нынешней российской экономической модели характерно такое соотношение форм собственности и такая степень самостоятельности экономических агентов, которые позволяют сделать вывод о государственно-олигархическом характере российской экономической модели [Мировая экономика 2017, с. 152; Экономика России 2017, с. 117].

Радикальная эволюция социалистической (нерыночной) экономики в капиталистическую (рыночную), происходившая в России в начале 1990-х годов, способствовала, с одной стороны, резкой поляризации экономических агентов и превращению некоторых из них в олигархов, а с другой – не привела к радикальному сокращению государственной собственности и уменьшению

государственного вмешательства в экономику, что ограничивает свободу рыночных агентов.

В России в 2017 г. 400 крупнейших компаний произвели 43% продукции (частные – немногим меньше половины этой величины, государственные – около двух пятых, остальное пришлось на компании под иностранным контролем) [Эксперт 2018, с. 62], что свидетельствует о высоком уровне монополизации российской экономики. Но в отличие от развитых стран в отраслях с высокой концентрацией капитала крупные частные компании принадлежат преимущественно не широким слоям акционеров, а одиночкам, небольшим группам лиц, семьям, т.е. олигархам (в первую очередь это относится к добыче полезных ископаемых, металлургии и химии). В результате, по оценке Т. Пикетти и его соавторов, доля 1% населения в национальном богатстве России (с учетом зарубежных активов) в середине нашего десятилетия достигла 43%, т.е. была выше, чем в США, Франции, Китае [Novokmet, Piketty, Zucman 2017, р. 4, 72–79]. Но при этом попытки российских олигархов в конце 1990 – начале 2000-х годов установить свой прямой контроль над экономической политикой были пресечены государством и экономическое регулирование перешло к союзу олигархов и бюрократов при первенстве бюрократов.

Российские бюрократы в своей экономической политике опираются на все еще большую для рыночной экономики государственную собственность и на свою политическую власть, позволяющую им активно вмешиваться в экономику. По данным российской статистики, доля государства в основных фондах страны снижалась – с 91% в 1990 г. до 25 – в 2000 и 22% в 2017 г. [Российский статистический 2018, с. 229], т.е. в последние два десятилетия она практически перестала уменьшаться в связи с затуханием процесса приватизации. По другим расчетам, учитывающим компании с неполным государственным участием, доля государства в выпуске ВВП даже выросла – с 43% в 2006 до 48% в 2018 г. [Радыгин, Энтов и др. 2018, с. 9]. Одновременно оставались высокими показатели государственного вмешательства в производство товаров и услуг. По последним расчетам ОЭСР, включающим Россию, совокупный уровень показателей госрегулирования рынка продуктов (product market regulation indicators, PMR indicators) в 2013 г. составлял в восточноевропейских странах 1,29–1,69, а в России – 2,22 (правда, в Бразилии он равнялся 2,54, Китае – 2,86, Индии – 3,10) [Product market].

При этом российскими бюрократами активно используется либеральная идеология, формально позволяющая им сосредоточиться на финансовой, а не на промышленной политике. Регулирование в первую очередь финансов связано с тем, что именно финансовая сфера позволяет правящей бюрократии извлекать доходы от своего политического господства в стране, используя административную ренту (через покровительство государственным и олигар-

хическим банкам и компаниям), природную (через изъятие значительной части доходов от добычи и экспорта сырья в контролируемый чиновниками госбюджет) и налоговую (через повышение НДС, например, с 2019 г. с 18 до 20%).

Неуменьшающуюся роль государства в экономике демонстрируют национальные проекты на период 2019–2024 гг., призванные ускорить экономический рост в стране и поднять благосостояние ее граждан. Из огромной суммы в 25,7 трлн руб. на реализацию этих проектов государство планирует взять на себя 70%.

Анализируя перспективы российской экономической модели, автор приходит к выводу о возможности двух принципиальных вариантов – позитивной трансформации модели или ее консервации (и даже ужесточении).

В пользу первого варианта (но не при нынешнем руководстве, во многом построившем и использующем в свою пользу современную экономическую и политическую модель) говорит высокий и продолжающийся повышаться уровень образования населения. Его потребность в высокотехнологичных рабочих местах, его недовольство коррупцией и олигархическим характером крупных частных компаний приводит к тому, что несоответствие существующего авторитарного строя политическим запросам населения нарастает. Этому способствует и сильный в условиях открытого общества демонстрационный эффект соседних европейских стран. Данные требования частично приглушаются пропагандой и имитацией политических реформ, а также отвлечением населения от актуальных проблем со стороны контролируемых государством медиасредств. Однако это не может остановить рост недовольства, тем более что главный его компенсатор в прошлые годы (рост реальных доходов населения вследствие повышения мировых нефтяных цен) уже не срабатывает.

В пользу консервативного варианта говорит слабость (особенно политическая) гражданского общества, а также сопротивление правящей элиты требованиям политической модернизации. Ее сопротивление демократизации экономической и политической модели может усилиться в случае сильного повышения мировых цен на углеводороды или резкого ухудшения внешнеполитической ситуации. Кроме того, ориентация подавляющей части экономики на сравнительно большой внутренний рынок, самообеспеченность страны сырьем и топливом позволят смягчить вытекающие из этой консервации (стагнации) отрицательные экономические и социальные последствия.

Внешнеэкономические аспекты современной российской модели

Современная Россия – это активный, но во многом своеобразный участник идущей в мире экономической глобализации. Внешнеэкономическая специализация России во многом определяется спецификой ее экономической модели.

Стремление к получению ренты от своего политического и экономического доминирования толкает российских бюрократов на поощрение развития в стране не столько перспективных отраслей, сколько наиболее доходных для экспорта – сейчас это прежде всего добывающая промышленность, в которой рентабельность продаж в 2,5–3,5 раза выше, чем в среднем по России, во многом из-за большой разницы внутренних и мировых цен. Для олигархов это не только добывающая промышленность, но также металлургическая и химическая отрасли – в них рентабельность в 2–3 раза выше, чем в среднем по России, и во многом по тем же причинам [Финансы России 2018, с. 112–115]. На этих отраслях и базируется российский экспорт товаров, высоко монополизированный государством и олигархами. Так, в 2018 г. на первую десятку компаний-экспортеров (из них четыре государственных и полугосударственных, шесть – частные под контролем ограниченного числа физлиц) приходилось две трети российского экспорта [Рейтинг 2019, с. 56, 68].

Одновременно и та и другая группы правящей элиты активно вывозят капитал, преимущественно в офшоры, как с целью обезопасить его там (характерно скорее для бюрократии), так и с целью уйти от отечественного налогообложения (характерно преимущественно для олигархов), хотя часто эти цели переплетаются, как трудноразличимы в своих экономических интересах сами бюрократы и олигархи.

Нарастающая в России нехватка рабочих рук в силу невысокой рождаемости и высокой смертности населения покрывается значительным притоком рабочей силы из бывших союзных республик, активное применение которой позволяет российским предпринимателям держать зарплату в стране на высоком уровне.

Об основных показателях участия России в экономической глобализации говорит нижеследующая таблица, сравнивающая российские показатели с показателями других стран БРИКС.

**ПОКАЗАТЕЛИ УЧАСТИЯ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН БРИКС
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В 2018 г.**

Показатели	Россия	Бразилия ²	Индия ²	Китай ²	ЮАР ²	Справочно: США ²
Экспортная квота, в процентах по отношению к ВВП по ППС	11,2	6,9	3,8	10,8	12,0	11,8
Доли сельхозтоваров, готовых изделий, топлива и металлов в экспорте товаров в 2015 г., в %	5,5 21,2 ³ 64,8	41,9 36,1 19,1	13,2 68,4 15,7	3,2 94,3 2,4	14,5 40,6 29,8	10,7 74,8 9,4
Среднеарифметическая ставка пошлины на импортируемые товары, в % ¹	7,6	13,5	13,4	9,9	7,7	3,5
Крупнейшие страны – партнеры во внешней торговле, в процентах от экспорта	ЕС 42,0 Китай 12,6 Белоруссия 4,9 Турция 4,8 Ю. Корея 4,0	Китай 19,0 ЕС 18,0 США 12,6 Аргентина 7,2 Япония 2,5	ЕС 17,6 США 16,1 ОАЕ 11,5 Гонконг 5,1 Китай 3,4	США 18,3 ЕС 16,1 Гонконг 13,8 Япония 6,1 Ю. Корея 4,5	ЕС 22,9 Китай 9,2 США 7,4 Ботсвана 5,0 Намбия 4,8	ЕС 18,7 Канада 18,3 Мексика 15,9 Китай 8,0 Япония 4,4
Поступления из-за рубежа и платежи за рубеж за использование интеллектуальной собственности по отношению к ВВП по ППС, в %	0,04 0,08	... 0,16	0,005 0,11	0,66 0,23
Накопленные в стране и за рубежом прямые иностранные (зарубежные) инвестиции по отношению к ВВП, в %	30,1 26,2	34,8 9,6	14,1 6,4	12,1 11,4	6,4 58,6	34,4 34,3
Количество национальных ТНК в списке 100 ведущих по зарубежным активам ТНК мира ⁴	0 (2)	0(5)	0 (6)	5 (26)	0 (4)	18
Доля иммигрантов в численности населения страны в 2015 г., в %	8,1	0,3	0,4	0,1	5,8	14,5

Таблица составлена автором на основе данных, взятых из следующих источников: [Россия 2019; World Investment 2019; World Tariff 2019; Trade Profiles 2019, а также на основе данных Всемирного банка].

¹ В рамках режима наиболее благоприятствуемой нации.

² 2016 г.

³ 2017 г.

⁴ В скобках – количество национальных ТНК в списке 100 ведущих по зарубежным активам ТНК развивающихся стран и стран с переходной экономикой в 2017 г.

Из данных таблицы можно сделать некоторые выводы об участии России в международной торговле товарами. У страны внешнеторговая квота достаточно велика, но она на 70% состоит из топлива, металлов и сельхозтоваров, что, конечно, отчасти обусловлено большими природными ресурсами страны, но в целом выглядит архаично по отношению к уровню экономического развития страны. Одновременно обращает на себя внимание самая низкая для стран БРИКС ставка таможенного тарифа по импорту, которая действует неблагоприятно на развитие отечественной обрабатывающей промышленности (готовые изделия – основа российского импорта). Медленный рост этой промышленности (она является главной сферой осуществления инноваций) не стимулирует и поступление в страну знаний из-за рубежа, если судить по объему платежей за использование иностранной интеллектуальной собственности (их доля по отношению к ВВП России ниже, чем у Бразилии и Китая).

География российской внешней торговли за последние 30 лет изменилась радикально. Если в 1989 г. она была ориентирована преимущественно на другие советские республики (67% вывоза товаров из РСФСР и 55% ввоза), то уже к 2000 г. Россия переориентировалась на развитые страны (73% российского экспорта и 55% импорта), прежде всего европейские, а затем стала постепенно сдвигаться в сторону развивающихся, прежде всего Китая, вышедшего на первое место в российском экспорте и импорте [Юг 2019, с. 174].

Радикально за это время изменилось и участие России в международном движении капитала. Если в позднесоветское время для нее был характерен сравнительно небольшой вывоз капитала (порядка 1–2% от ВВП, по оценке автора, не считая вывоза капитала в другие советские республики), в основном в виде помощи просоветским странам и создания небольшой сети зарубежных филиалов по продвижению экспорта и услуг, при этом в сочетании со сравнительно небольшим импортом западного капитала, то теперь картина выглядит по-другому. Экспорт капитала достиг огромных размеров для страны среднего уровня развития и составил за 1994–2018 гг., по расчетам автора на основе статистики платежного баланса, 6,2% по отношению к суммарному ВВП России за этот период.

При этом почти во все годы вывоз капитала превосходил немалый ввоз капитала в Россию (хотя, по данным таблицы, объем накопленных в стране прямых иностранных инвестиций превышает объем российских прямых инвестиций, нужно принимать во внимание недоучет вывезенного капитала и большую доходность ввезенного в Россию иностранного капитала). При этом подавляющая часть капитала вывозится в офшоры и офшоропроводящие страны (в 2018 г. в них было аккумулировано 76% всех российских прямых инвестиций за рубежом) и поступает оттуда же (83% ввезенных прямых инвестиций), что позволяет говорить о круговороте российского капитала, вывозимого олигархами и чиновниками из страны и затем обратно ввозимого

под видом иностранного (в России его применение более прибыльно и привычно для них). В результате классической транснационализации российского капитала, по крайней мере сравнимой с другими странами БРИКС, не произошло: количество российских ТНК невелико, и в список 100 крупнейших ТНК развивающегося мира вошли всего две российские компании («Лукойл» и «Газпром»).

Изменения за прошедшие три десятилетия произошли и в участии России в международной миграции рабочей силы. Как и во всем мире, российская статистика слабо отделяет международную трудовую миграцию от всей международной миграции населения, хотя обычно трудовая миграция составляет 2/3 от всей международной трудовой миграции [World Migration 2019, p. 2]. Если оперировать цифрами международной миграции населения на постоянное место жительства, то можно констатировать, что в Россию в 1997 г. въехали с этой целью 597 тыс. человек, к 2008 г. их численность сократилась до 282 тыс., а к 2018 г. вновь поднялась до 566 тыс. человек [Россия 2019, с. 79–81]. Эти цифры отражают две волны миграции: первая, в период экономической катастрофы 1990-х годов, состоявшая в основном из русскоязычных переселенцев из других союзных республик, и вторая, состоящая в последние два десятилетия преимущественно из коренного населения бывших союзных республик.

Еще больше изменений наблюдалось в краткосрочной миграции в Россию. Если в советское время подавляющая часть населения Закавказья и Средней Азии работала у себя на родине, то в этом веке временная трудовая миграция жителей этих регионов в Россию исчисляется многими миллионами человек в год, в результате чего ежегодную численность временных работников в России из этих регионов плюс из Украины и Молдавии можно оценить примерно в 10 млн человек (в годы кризиса или стагнации эта цифра сокращается, а в годы подъема увеличивается на 2–3 млн человек, по оценке автора). Экономически необходимый для России, этот огромный приток трудовых мигрантов используется олигархами для поддержания заработной платы в стране на низком уровне.

Заключение

Российская модель государственно-олигархического капитализма имеет глубокие корни, наследуя многое от традиционной для нашей страны системы «власть-собственность». Тем не менее в стране существуют довольно многочисленные экономические слои, заинтересованные в трансформации нынешней модели. Это прежде всего малый и средний бизнес, крупный не-олигархический бизнес, высококвалифицированные специалисты, а также

образованная молодежь, желающая для себя бóльших экономических возможностей.

Однако надо отдавать отчет, что при сохраняющейся низкой и подавляемой со стороны властей политической активности граждан, их высоких патерналистских настроений прогрессивная трансформация российской экономической модели если может быть, то медленной. Скорее это будет движение в сторону госкапиталистической модели типа японской или южнокорейской – многочисленный малый и средний бизнес при доминировании в экономике крупного капитала и сильном вмешательстве в экономику государства, но не столько через сравнительно небольшую госсобственность, сколько через свою политическую власть.

Библиография

- Мировая экономика и международные экономические отношения: Полный курс / Под ред. А.С. Булатова. М.: КноРус, 2017. 916 с.
- Радыгин А.Д., Энтов Р.М. и др. «Большая неохотная приватизация»: Противоречивые подходы в условиях санкций // Вопросы экономики. 2018. № 8. С. 5–56.
- Рейтинг крупнейших экспортеров России // Эксперт. 2019. № 39. С. 56–61.
- Российская экономика: Курс лекций / Под ред. Е.Г. Ясина. В 2 кн. М.: Изд-во ВШЭ, 2019. Кн. 1. 447 с.; Кн. 2. 528 с.
- Российский статистический ежегодник 2018. М.: Росстат, 2018. 694 с.
- Россия в цифрах 2019. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2019. 549 с.
- Финансы России 2018. Статистический сборник. М.: Росстат. 2018. 439 с.
- Экономика России и стран ближнего зарубежья: Учебное пособие / Под ред. А.С. Булатова. М.: КноРус. 2017. 496 с.
- Эксперт 400: Рейтинг крупнейших российских компаний // Эксперт. 2018. № 42. С. 60–71.
- Юг: Путь к экономической независимости / Под ред. А.С. Булатова. М.: МГИМО-Университет. 2019. 324 с.
- Cohen S.I. Economic systems analysis and policies. Explaining global differences, transition and development. London: Palgrave Macmillan. 2009. 439 p.
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016 // National Bureau of economic research. Cambridge (MA), 2017. August. 79 p. URL: <https://www.nber.org/papers/w23712.pdf> (дата обращения: 02.01.2020).
- Product market regulation 2013 // OECD. Stat: Official Website. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=60373> (дата обращения: 02.01.2020).
- Trade Profiles 2019 // WTO: Official Website. 2019. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/trade_profiles19_e.htm (дата обращения: 02.01.2020).
- World Investment Report 2019. Annex tables // UN conference on trade and development. 2019. URL: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx> (дата обращения: 02.01.2020).
- World Migration Report 2020 // International Organization for Migration. Geneva: IOM, 2019. 498 p.
- World Tariff Profiles 2019. Geneva: WTO, 2019. 252 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/tariff_profiles19_e.pdf (дата обращения: 02.01.2020).

References

- Cohen S.I. Economic systems analysis and policies. Explaining global differences, translation and development. London: Palgrave Macmillan. 2009. 439 p.
- Ekonomika Rossii i stran blizhnego zarubezhya: Uchebnoe posobie / Pod red. A.S. Bulatova [Economics of Russia and CIS countries: Textbook / Under edition of A.S. Bulatov]. Moscow: KnoRus. 2017. 496 p. (In Russ.)
- Ekspert 400: Reyting krupneyshih rossiyskih kompaniy. Ekspert [Expert 400: Rating of the largest Russian companies. Expert]. 2018. N 42. P. 60–71. (In Russ.)
- Finansy Rossii 2018. Statisticheskii sbornik [Finance of Russia 2018. Statistical collection]. Moscow: Rosstat. 2018. 439 p. (In Russ.)
- Jug: Put' k ekonomicheskoy nezavisimosti / Pod red. A.S. Bulatova [South: The way to economic independence / Under edition of A.S. Bulatov]. Moscow: MGIMO-Universitet. 2019. 324 p. (In Russ.)
- Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya: Polnyi kurs [World economy and international economic relations: Full course] / Pod red. A.S. Bulatova. Moscow: KnoRus, 2017. 916 p. (In Russ.)
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016. National Bureau of economic research. Cambridge (MA), 2017. August. 79 p. URL: <https://www.nber.org/papers/w23712.pdf> (date of access: 02.01.2020).
- Product market regulation 2013. OECD. Stat. Official Website. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=60373> (date of access: 02.01.2020).
- Radygnn A.D., Entov R.M. i dr. «Bol'shaya neohotnaya privatizatsiya»: Protivorechivye podhody v usloviyah sankciy. Voprosy ekonomiki [Radygn A.D., Entov R.M. et al. «Big reluctant privatization»: Conflicting approaches under conditions of sanctions (in Russian) // Economic issues]. 2018. N 8. S. 5–56. (In Russ.)
- Reyting krupneyshih eksporterov Rossii. Ekspert [Rating of the largest exporters of Russia // Expert.]. 2019. N 39. P. 56–61. (In Russ.)
- Rossiya v cifrah 2019. Kratkiy statisticheskii sbornik [Russia in numbers 2019. Short Statistical Collection]. Moscow: Rosstat, 2019. 549 p. (In Russ.)
- Rossiyskaja ekonomika: Kurs lekcii / Pod red. E.G. Yasina. V 2 kn. [Russian economy: Course of lectures / Under edition of E.G. Yasin. Vol. 1–2] Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2019. Vol. 1. 447 p.; Vol. 2. 528 p. (In Russ.)
- Rossiyskij statisticheskij ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook] 2018. Moscow: Rosstat, 2018. 694 p. (In Russ.)
- Trade Profiles 2019. WTO: Official Website. 2019. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/trade_profiles19_e.htm (date of access: 02.01.2020).
- World Investment Report 2019. Annex tables. UN conference on trade and development. 2019. URL: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx> (date of access: 02.01.2020).
- World Migration Report 2020. International Organization for Migration. Geneva: IOM, 2019. 498 p.
- World Tariff Profiles 2019. Geneva: WTO, 2019. 252 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/tariff_profiles19_e.pdf (date of access: 02.01.2020).